

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. Бута. Предисловие 6

Альфред Адлер

МОТИВ ВЛАСТИ

Мотив власти 10

Комплекс неполноценности и комплекс превосходства 14

Глава 1. Общие положения 15

Глава 2. Случаи 17

Понять человека 22

Введение 22

Глава 1. Основы развития характера 31

Глава 2. Наука о характере 131

Словарь терминов Адлера 223

Фридрих Ницше

ВОЛЯ К ВЛАСТИ

О высшем человеке 225

Критика морали 233

Глава 1. Происхождение моральных оценок 233

Глава 2. Стадо 241

Глава 3. Об общеморалистическом 247

Глава 4. Как обеспечить господство добродетели 254

Глава 5. Моральный идеал 263

Глава 6. Заключительные замечания к критике морали . . 294

Принцип новой оценки 297

Глава 1. Воля к власти в природе 297

Глава 2. Воля к власти как общество и индивидуум 341

Глава 3. Воля к власти как искусство 373

Порода и взращивание 405

Глава 1. Иерархия рангов 405

Глава 2. Дионис 455

Глава 3. Вечное возвращение 473

Предисловие

Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс, меньше станет Европа, и так же, если смоем край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе.

Джон Донн¹

Альфред Адлер, один из отцов-основателей психоанализа и автор такого направления, как индивидуальная психология, нашёл ключ к пониманию человека в его социальности, во взаимосвязи с другими людьми. Будучи ребенком из бедной еврейской семьи, в которой помимо него было еще пятеро детей, он чувствовал себя покинутым и ненужным. Слабый, болезненный ребенок вечно требовал к себе больше внимания, чем могли ему отдать родители, отчаянно сражающиеся за то, чтобы все их дети получили шанс дожить до совершеннолетия. Дети все время болели из-за недостатка еды и вечно промозглого холода в доме. В ту ночь Альфред заснул рядом с братом, которого вот уже несколько дней била лихорадка. Ребенок то и дело вздрагивал от холода, хотя под тяжелым одеялом было достаточно тепло. Наутро Альфред проснулся от того, что брат вдруг перестал вздрагивать. В комнате вдруг стало очень тихо и пусто, а еще через какое-то время отец зашел и молча поднял тело сына, завернув его в теплое одеяло. Альфреду еще долго никто ничего не объяснял. Осознать, что в ту ночь его брат умер, Альфред смог лишь во взрослом возрасте. Через пару недель после смерти брата Альфред уже и сам заболел воспалением легких. Врач, которого пригласили, тихим и безжизненным тоном объяснял перепуганным родителям, что надежды на выздоровление практически нет. Ребенка так разозлили слова врача, что он твердо решил бороться за жизнь до победного, как минимум, чтобы раздосадовать доктора.

Вопреки всем прогнозам врачей, Альфред не только выжил, но и неожиданно стал проявлять способности к уче-

¹ А не Хэмингуэй. — *Прим. авт.*

бе. В любом классе, в любой компании он вдруг оказывался в центре внимания. Его слышали и слушали, его мнение уважали. Это выглядело, по меньшей мере, странно, так как маленький, заикающийся еврейский мальчик никак не походил на вожака школьной ватаги. Никаких уникальных способностей у него не было. Скорее, наоборот. В семье слабого и болезненного Альфреда считали мямлей и тюфяком, а его успехи в школе казались случайностью. Да и сам Адлер так считал долгое время, но годы шли, компании менялись, а ему все так же легко удавалось находить общий язык с людьми. В восемнадцать лет он женился на еврейке из России, а уже через год его жена родила первого ребенка. Вскоре у них уже было пятеро детей, а Альфред, тем временем, получал медицинское образование в университете, а потом, вопреки всем увещаниям жены, вступил в психоаналитическое сообщество, возглавляемое самим Зигмундом Фрейдом. Стоит признать, что удалось это Адлеру не без труда, поскольку Фрейд принимал в ряды начинающих психоаналитиков далеко не каждого. А уж с тех пор, как в прессе стало модно ругать отца-основателя психоанализа за провокационные взгляды, прием новых членов сильно затруднился. Публично выступив в прессе на стороне автора «Толкований сновидений», Адлер привлек к себе благодушное внимание Фрейда и, тем самым, открыл себе дорогу в клуб.

Адлер полюбил выступать с докладами на различных конференциях. Он все еще считал чистой случайностью то факт, что ему, человеку с таким тихим голосом и плохо поставленной речью, теперь приходится разглагольствовать перед зрителями, но раз за разом на этих конференциях и собраниях психоаналитического сообщества он видел именно таких, тихих, часто некрасивых людей, зачастую с дефектами дикции. На одном только с ним курсе в университете учились студенты, способные намного лучше выступать перед публикой, да и с намного более интересными идеями, но им это было попросту неинтересно.

Что толкало всех этих неказистых людей с плохой дикцией на сцену? Почему люди, которые вроде бы не созданы были для публичных выступлений, раз за разом, преодолевая страх и ужас, представляли свои научные изыскания на суд зрителя? Задавшись этими вопросами, Альфред Адлер обратился к творчеству самого модного на тот момент философа Германии и Австро-Венгрии, к трудам Фридриха Ницше.

Фридрих Ницше создал концепцию сверхчеловека, которая впоследствии радикальным образом повлияла на весь ход

истории XX века. Как возвыситься над массой и стать чем-то большим, чем человек? Кем будет это высшее существо, и на что готово человечество, ради создания нации сверхлюдей?

Нам не дано узнать, как слово наше отзовется, и вряд ли Фридрих Ницше предполагал, как сильно на людей могут повлиять его тексты. Одних они вдохновили на войны, а Альфред Адлер, сопоставляя тексты Ницше с его жизнью и с мировой историей, увидел в них главную движущую силу человека — волю к власти.

Всю свою жизнь Фридрих Ницше провел, отбиваясь от липких лап безумия, которое с каждым годом все ближе подвигалось к нему. На закате своих дней разум философа уже почти полностью погрузился в бездну, и он вынужден был провести эти годы в психиатрической клинике, оставшись один на один с собственными мыслями. Все еще великий, отделенный от мира людей стенами клиники, он продолжал тратить те короткие всполохи сознания, которые все еще с ним случались, на главную работу последних лет своей жизни. Неоднозначная «Воля к власти», вышедшая в свет уже после смерти мыслителя благодаря стараниям его сестры Элизабет, претендовала на негласный статус философского завещания Ницше.

Прочитав эту работу, Альфред Адлер пришел к выводу, что именно стремление понравиться людям, быть принятым и понятым, а главное, желание возвыситься над массой, является лейтмотивом любой человеческой жизни. Чем сильнее человек хочет понравиться другим в самом начале своего пути, тем яростнее будет его желание возвыситься над ними. Чем меньше у человека способностей, тем ярче этот огонь, и это пламя способно подвигнуть человека на великие свершения сильнее, чем благоприятные и тепличные условия, в которых иногда выращивают детей родители, проча им прекрасное будущее, сильнее, чем любые задатки и способности, которые есть у каждого. В этом психолог видел великую силу человека и самый страшный его кошмар. В конце пути к власти, человек, рано или поздно, человек сталкивается с бездной, которую так хорошо знал Фридрих Ницше. На вершине нет людей, все они внизу. Их уже нельзя разглядеть. Путь к людям, стремление к власти приводят к одиночеству.

Каждая школа психоанализа видела свою движущую силу человека: Фрейд считал основополагающим принцип удовольствия; несколькими десятилетиями позже представитель неопсихоанализа Виктор Франкл считал, что лишь смысл придает сил для жизни. Альфред Адлер считал ведущим мотив власти. Узнав о взглядах нового участника психоаналитического

кружка, Зигмунд Фрейд был вне себя от бешенства. Отец психоанализа был слишком нетерпим к критике и другим точкам зрения — как и любой образованный психиатр, Фрейд хорошо знал, что врач обязан демонстрировать уверенность в том, что он делает. В свою очередь дубой намеков на сомнения может стоить пациенту жизни. Профессиональная деформация не обошла стороной и Фрейда, и он вскоре стал видеть во всех людях пациентов, а если они начинают выдумывать собственные рецепты излечения, то пусть уж лечатся самостоятельно и подальше от настоящего врача. Альфред Адлер вместе с несколькими последователями покинул общество психоанализа и создал свою психологическую школу. Вскоре уже и он изгнан из своего кружка всех, кто не разделял его взгляды на психоанализ.

Первую часть этой книги составляют главные работы Альфреда Адлера, которые заложили фундамент всей социальной психологии, и, пожалуй, действительно дают весьма понятное описание человека как части социума. Вторую же часть книги составили труды Фридриха Ницше, гениального и безумного писателя. Они не дадут вам исчерпывающего понимания взглядов ученого, для этого есть полное собрание сочинений. Да и не стоит знакомиться с его творчеством по его поздним произведениям, но они наглядно проиллюстрируют созидательную и разрушительную силу воли к власти, которую Адлер считал ключом к пониманию человека. Могут ли тексты безумца быть гениальными? Бесспорно, могут, но от этого они не станут менее безумны. Первая часть книги даст вам ключи к пониманию человека, которые можно будет применить к пониманию текстов Фридриха Ницше и которые помогут вам приблизиться к бездне.

Елизавета Бута

Альфред Адлер

МОТИВ ВЛАСТИ

Мотив власти¹

Быть большим! Быть могущественным! Вот всегдашнее стремление всех маленьких или чувствующих себя маленькими. Всякий ребенок тянется к высоким целям, всякий слабый — к превосходству, всякий, кому недостает надежды, — к вершинам осуществления: отдельный человек так же, как и масса, народы, государства и нации. Это извечное стремление людей есть попытка преодолеть чувство своей недостаточности, незащищенности, слабости. Но для того, чтобы двигаться в этом направлении, им нужен путеводный образ, указывающий будущее. Выдуманный идеал совершенства слишком невнятен для того, чтобы выполнять эту роль. Ищущий дух формирует конкретный идеал, помогающий уверенно идти избранным путем. Видит ли человек свою цель в том, чтобы стать кучером, врачом, донжуаном, другом, тираном, — он всегда усматривает в этом высшее осуществление и утверждение своей сущности. Поможет ли этот идеал осуществить себя при данных конкретных обстоятельствах, зависит от подготовки человека, от его умений, от выбора метода, от его оптимистической активности, с одной стороны, и от соответствия внешним возможностям, с другой. В отношении первых факторов мы можем предъявлять требования к образованию, последние же нужно уметь познавать и распознавать. Все эти факторы взаимозависимы и оказывают друг на друга взаимное влияние.

Мы бы могли много сделать для выбора правильного жизненного пути, если бы располагали точным знанием о внешних обстоятельствах. Многие из того зла, которое портит жизнь людей, можно было бы переносить гораздо легче и даже одерживать над ним верх, если бы мы не просто жаловались на судьбу, но видели в этих трудностях выражение сложного развивающегося и прогрессирующего движения. Мы все страдаем от того, что находимся в таком моменте развития, который благодаря творческой силе человечества должен

¹ Пер. с нем. А.А. Юдина.

быть преодолен. Представитель индивидуальной психологии может с уверенностью утверждать, что всеобщее и личное страдание всегда связаны между собой, потому что мы сегодня строим наш путеводный идеал не столько на основе чувства общности, сколько на основе [цели] личного могущества. Огромное количество трудновоспитуемых детей, невротиков, сумасшедших, алкоголиков, кокаинистов, морфинистов, уголовников и самоубийц представляют собой, в конце концов, сходную картину: борьба за личную власть или неверие в возможность достичь этого посредством общепольной деятельности. Наш путеводный идеал, который в настоящее время выступает в законченной форме как стремление к превосходству над другими, конкретизируется как власть над другими, и эта проблема стоит перед каждым на переднем плане, оттесняя все другие и оказывая влияние на всю нашу душевную жизнь.

Как это зло пришло в мир? *Стремление к личной власти представляет собой форму конкретизации стремления к совершенству!* И ее искушение особенно сильно в нашей культуре. Понятная ошибка, подражание бесконтрольной природе, когда совершенство одного достигается путем жестокого торжества над более слабым. Но даже и в животном мире есть немало моментов, смягчающих борьбу: социальные, стадные инстинкты, которые, по-видимому, служат защите вида и предотвращают его уничтожение. В человеке же зов чувства общности сильнее. Ибо в отличие от природных существ и вопреки жестокости жизни союз с себе подобными для него гораздо более насыщен. Без разветвленного разделения труда он обречен на гибель. Господство мужчины над женщиной лишает его высшего эротического наслаждения. При более развитом состоянии культуры это должно привести к бунту женщины против отведенной ей роли, а это составляет угрозу самому существованию человеческого рода. В этом смысле народы с менее высоким уровнем культуры имеют преимущество.

Основываясь на результатах исследований индивидуальной и массовой психологии, можно утверждать: стремление к личной власти — это роковое заблуждение, отравляющее жизнь человеческого общества. Тот, кому дорого человеческое общество, должен отказаться от стремления пересилить других. Самоутверждение посредством насилия представляется многим самоочевидной мыслью. Мы даже добавим: простейшим путем ко всякому благу и всему, что обещает счастье, *кажется* именно путь власти. Но когда же в жизни людей или в истории человечества такое намерение удавалось осуществ-

вить? Насколько мы можем видеть, даже малая толика насилия всегда вызывает противодействие, даже там, где мы имеем дело с придавленными гнетом людьми: патриархальная система, просвещенный абсолютизм — ужасные примеры тому. Даже с богами своими ни один народ не примирился без некоторого противодействия. И если человек или народ попадает в зависимость от другого, в нем сразу же — явно или скрыто — пробуждается дух сопротивления, который не исчезнет, пока не падут все оковы. Победоносная борьба пролетариата против гнета капитализма отчетливо свидетельствует о таком ходе развития, хотя возрастающая мощь организации рабочих может при неосторожном образе действий вызвать большей или меньшей силы внутреннее сопротивление у вялых натур. Там, где свои вопросы решает власть, она, навязывая свои намерения и цели, приходит в столкновение с волей к власти отдельных людей и вызывает их противодействие.

Яд главенства проникает даже в родительскую любовь и под именами авторитета и заботы о детях ведет к утверждению видимости превосходства и непогрешимости. И тогда перед детьми возникает задача перерасти своих воспитателей. Та же картина и в отношении учителя. Также и в любви мы видим множество уловок и попыток подчинить себе своего партнера. Жажда власти у мужчины домогается со ссылкой на «природное установление» подчинения со стороны женщины; в результате — безрадостная картина разрушения всех непосредственных отношений и паралич созидających ценности сил. Даже любимые игры детей обнаруживают для искушенного взгляда целую систему способов удовлетворения стремления к господству.

Однако современные данные исследований душевной жизни показывают, что черты стремления к господству, честолюбие и стремление к власти над другими вместе со всеми сопутствующими им явлениями не являются врожденными и неизменными. Скорее они прививаются детям с раннего возраста: ребенок воспринимает их из атмосферы, пропитанной жаждой власти. В нашей крови все еще есть тяга к опьянению властью, и наши души становятся мячиками в игре стремления быть наверху. Только одно может нас спасти — недоверие к господству. Наша сила заключается в убеждении, в организующей силе, в мировоззрении, а не в силе оружия и чрезвычайных законах. Эти средства уже доказали свою негодность в борьбе других могущественных сил.

Мы же избираем путь и тактику, исходя из нашей высшей цели, — развития и укрепления чувства общности.

Человек может подавлять в себе чувство общности, но он не может задушить его. Человеческая душа в ослеплении может попытаться освободиться от логики. Самоубийство — пример своеволия жизненных сил, пытающихся отрицать инстинкт жизни. Но и логика, и инстинкт жизни суть реальности, присущие обществу. Бунт против них — это грех против природы и против святого духа человеческой общности. Но не легко подавить в себе здравый смысл. Преступнику требуется ввести себя в раж, чтобы заставить замолчать свое чувство общности, — будь то до или после преступления. Предоставленные сами себе юнцы группируются, ибо таким образом они как бы делят на всех чувство ответственности и тем самым уменьшают ответственность каждого. Раскольников целый месяц лежал в постели, размышляя над тем, Наполеон ли он или вошь. Но после, уже поднимаясь по лестнице с целью убить старую и бесполезную старуху-процентщицу, он не может унять сердцебиения. Это голос чувства общности, звучащий в его крови. Война — это вовсе не продолжение политики другими средствами, а величайшее преступление перед человечеством. Какая масса лжи, насилия, изощренного подстрекательства, разжигания низких страстей потребовалась для того, чтобы заткнуть рот возмущенному голосу человечности!

Волны, порождаемые стремлением к власти в обществе, проникают и в детскую комнату. Властные притязания родителей, отношения низа и верха в доме, привилегии маленьких неизбежно внушают ребенку влечение к власти и господству; только это положение кажется ему соблазнительным. И когда чувство общности только начинает несколько позже пробуждаться в его душе, оно подпадает под пресс уже сформировавшейся жажды власти. Впоследствии сложный анализ обнаруживает все характерные черты стремления к превосходству, обосновавшегося на нерушимом фундаменте здравого смысла. И идя в школу, ребенок уже несет с собой в жизнь из семьи описанный выше механизм, разрушающий здравый смысл. Идеал личного превосходства принимает в расчет здравый смысл других людей. Ведь типичный идеал нашего времени — это по-прежнему герой-одиночка, для которого окружающие выступают лишь в качестве объекта. Эта-то психическая структура заставляет людей находить вкус даже в мировой войне, когда они, удивляясь и одновременно ужасаясь, превозносят величие победоносных воинов. Чувство общности требует иной идеал — идеал святого, только очищенный от всего мистического, связанного с верой в потустороннее. Ни школа,

ни жизнь не способны устранить укоренившееся, гипертрофированное стремление к значимости за счет других. Было бы грубой ошибкой рассматривать опьянение властью только как явление индивидуальной психики. Масса также руководствуется сходными целями, и их действие тем более разрушительно, поскольку чувство личной ответственности в массе существенно ослаблено. Мы нуждаемся в целенаправленной подготовке и воспитании могучего чувства общности и в отказе от алчности и властолюбия, как для отдельного человека, так и для целых народов. Чего нам недостает и что нам крайне необходимо, так это новые методы возвращения здравого смысла, — новое слово. Прогресс должен двигаться путем устранения всего социально бесполезного. Мы менее жестоки, чем природа, чем этот космос, который словно бы взывает к тем, кто жаждет власти и насилия: то, что мне не нравится, должно исчезнуть! Тот, кому, как психологу, близка эта логика человеческого общежития, стремится донести это бесконечно мрачное предупреждение до всех, отвратить от бездны, в которую могут низвергнуться навсегда не только отдельные семьи, но и целые народы. Нам нужен новый метод, новое слово для того, чтобы этот голос стал слышен всем.

Комплекс неполноценности и комплекс превосходства¹

Каждый симптом в жизни человека проявляется в динамике, то есть в развитии. Поэтому можно сказать, что у него есть прошлое и будущее. Будущее неразрывно связано с нашими стремлениями и целью, тогда как прошлое указывает на характер неполноценности или неадекватности, которую мы стараемся преодолеть. Вот почему комплекс неполноценности нас больше интересует в начале, в то время как комплекс превосходства нас интересует в его динамике, развитии. Более того, эти два комплекса естественным образом связаны. Нас не должно удивлять, если в случае, в котором мы рассматриваем комплекс неполноценности, мы обнаруживаем более или менее скрытый комплекс превосходства. С другой стороны, если исследуем комплекс превосходства в динамике, мы всякий раз находим более или менее скрытый комплекс неполноценности.

¹ Пер. с англ. Е.О. Любченко.

Глава 1. Общие положения

Необходимо уяснить, что слово «комплекс», которое мы употребляем в отношении неполноценности и превосходства, отражает прежде всего преувеличенное чувство неполноценности и стремление к превосходству. Если мы посмотрим на вещи таким образом, это снимет кажущийся парадокс о двух противоположных тенденциях, существующих в одном индивиде, так как очевидно, что в норме стремление к превосходству и чувство неполноценности дополняют друг друга. Если мы удовлетворены нынешним положением дел, в нас не должно быть места для стремления превзойти и добиваться успеха. Поэтому, ввиду того, что так называемые комплексы развиваются из естественных чувств, они не более противоречивы, чем обычные чувства.

Стремление к превосходству никогда не исчезает, и фактически, именно оно формирует разум и психику человека. Как мы говорили, жизнь — это достижение цели или формы, а стремление к превосходству — это движущая сила для достижения формы. Это своего рода поток, несущий вперед весь материал, который может найти. Рассмотрим для примера ленивых детей. Недостаток у них активности, отсутствие интереса к чему бы то ни было могут создать у нас впечатление полного отсутствия у них движения. Но и у них мы найдем желание превзойти других, желание, которое заставляет их говорить: «Если бы я не был так ленив, я мог бы стать президентом». Их развигитие и стремление, если можно так сказать, относительно. Они высокого мнения о себе и придерживаются представления о том, что могли бы многое совершить и принести немало пользы, если бы...! Конечно же, это — ложь, выдумка, но все мы знаем, что человечество очень часто удовлетворяется выдумками. И это особенно справедливо в отношении людей, которым не хватает смелости: они вполне довольствуются фантазиями. Не чувствуя в себе большой силы, они всегда идут в обход, желая избежать трудностей. И благодаря этому бегству, благодаря постоянному уходу от битвы, у них появляется ощущение, что они сильнее и умнее, чем это есть на самом деле.

Нам известны дети, которые начинали воровать из чувства превосходства. Они полагают, что, обманывая, дурача других и оставаясь непоиманными, они, таким образом, становятся богаче без особых хлопот. То же чувство очень сильно выражено у преступников, которые считают себя героями.

Это не имеет ничего общего со здравым смыслом или общепринятой логикой, когда убийца думает о себе как о герое — это его субъективное представление. Ему недостает смелости, и он хочет так уладить дела, чтобы вернуться от необходимости действительно решать проблемы жизни. Следовательно, преступность — это результат комплекса превосходства, а не проявление фундаментальной и изначальной порочности.

Похожую симптоматику мы наблюдаем у невротических личностей. Например, они страдают бессонницей, а на следующий день им недостает сил, чтобы справиться с требованиями дела, которым они занимаются. Им кажется, что из-за бессонницы у них нельзя требовать безупречной работы, так как они не в состоянии справиться с тем, что могли бы исполнить. Они жалуются: «Вот если бы я выспался, я бы вам показал!»

Нечто подобное происходит с депрессивными личностями, которых мучает чувство тревоги. Тревога делает их тиранами. Фактически, они используют свою тревогу, чтобы управлять другими: с ними постоянно кто-нибудь должен находиться, их нужно сопровождать повсюду, куда бы они ни направлялись, и так далее. Близкие вынуждены строить свою жизнь, подчиняясь требованиям депрессивного человека.

Депрессивные и больные люди всегда являются центром внимания в семье. Таким образом, комплекс неполноценности является источником их силы. Они беспрестанно жалуются, что чувствуют слабость, теряют в весе, и прочее, но, несмотря на это, они сильнее всех остальных. Они подавляют здоровых людей — факт, который не должен нас удивлять, так как в нашей культуре болезнь может давать определенную силу и власть. (И если бы мы задались вопросом, кто сильнейшие люди в нашей культуре, логично было бы ответить — младенцы. Младенцы правят, сами же оставаясь неподвластными.)

В заключении нашего изложения общей идеи комплексов неполноценности и превосходства, мы не можем не сказать несколько слов о них применительно к нормальным людям. Как мы уже говорили, чувство неполноценности есть у каждого человека. Оно не является психическим расстройством, но, напротив, стимулирует нормальные стремления и здоровое развитие. Патологическим же это чувство становится только тогда, когда в человеке побеждает чувство неадекватности, и это тормозит его полезную активность, делает его депрессивным и неспособным к развитию. В такой ситуации комплекс превосходства может стать одним из методов избежать своих трудностей. Человек с комплексом неполноценности притворяется лучшим, чем он есть на самом деле, и этот фальши-

вый успех компенсирует чувство неполноценности, ставшее для него невыносимым. У нормального человека нет ни тени комплекса превосходства. Конечно же, он стремится превосходить других в том смысле, что всем нам не чужды амбиции и желание добиться успеха, но пока это стремление выражается в работе, оно не ведет к ложным оценкам, лежащим в основе душевных расстройств.

Глава 2. Случаи

В контексте обсуждаемой нами темы весьма показателен случай навязчивого невроза одной молодой девушки, которая находилась в тесном общении со своей старшей сестрой. Благодаря своему очарованию ее старшая сестра пользовалась всеобщей благосклонностью. Этот факт весьма значим, так как если один из членов семьи выделяется среди других, эти последние будут страдать. И неважно, кто именно окажется в более благоприятной ситуации — отец, один из детей или мать: на других членов семьи это ложится бременем, которое иногда кажется им непосильным.

Девушка, о которой мы говорим, с детства чувствовала себя обделенной любовью. Если бы у нее были развитые социальные интересы, если бы она понимала то, что понимаем мы, она могла бы самостоятельно избрать иной путь развития. Так, она начала учиться музыке, однако постоянно пребывая в сильном напряжении из-за комплекса неполноценности, причиной которого были непрекращающиеся мысли о ее предпочитаемой сестре, она не преуспела в этом начинании. Когда ей было двадцать лет, старшая сестра вышла замуж, и она также устремилась к замужеству с тем, чтобы не уступить в этом плане своей сестре. Она все более увязала в этом соперничестве, дрейфуя в сторону от здоровой, полезной жизнедеятельности. Затем у нее развилась идея о том, что она злая и что она наделена магической силой, с помощью которой способна отправить человека в ад.

В этой магической силе мы видим проявление комплекса превосходства. С другой стороны, говоря о своей силе, девушка подчас высказывала жалобы подобно тому, как иногда богатый человек жалуется на свою тяжелую судьбу — быть богатым. Она чувствовала, что обладает богоподобной силой не только отправлять людей в ад, но временами у нее было ощущение, что она может и должна спасти этих людей. Конечно, обе эти претензии были смехотворны, но посредством этой системы фикций она убедила себя в обладании властью высшей, чем власть ее более удачливой сестры. Она могла пре-

взойти свою сестру только в этой игре. И чем больше она жаловалась на свою магическую силу, тем более правдоподобным казалось, что она действительно ею обладает. Если бы она смеялась над ней, претензии на обладание властью были бы под вопросом.

Только жалобы давали ей ощущение счастья от своей участи. В данном случае мы видим то, что комплекс превосходства может быть скрыт, что его наличие может не признаваться, в то время как на самом деле он присутствует как компенсация комплекса неполноценности.

Старшая сестра — скажем о ней несколько слов — пользовалась гораздо большей благосклонностью, ведь было время, когда она как единственный ребенок в семье являлась центром внимания и ей во всем потакали. Младшая сестра родилась, когда ей было три года, и этот факт полностью изменил обстоятельства жизни старшей девочки. Если прежде она безраздельно владела всеобщим вниманием, то теперь внезапно она почувствовала себя низвергнутой с привычно занимаемого места. В результате она стала драчливой, правда, проявлялось это только в компании более слабых детей. На самом деле драчливость вовсе не признак смелости, такой ребенок дерется только против более слабых. Попав в окружение тех, кто сильнее его, он умеряет свою дерзость и становится капризным или подавленным, и, вероятно, по этой причине в домашнем кругу он менее любим.

В подобных случаях старший ребенок чувствует, что его любят уже не так беззаветно, как раньше, и в признаках изменившегося к себе отношения видит подтверждение своего мнения. Виноватой более других в сложившейся ситуации девочка считает свою мать, так как именно она принесла в дом сестру. Этим объясняется то, что ее выпады в основном направлены против матери.

Младенец же оказывается в положении любимца без всяких усилий и борьбы, ибо за ним, естественно, нужно постоянно присматривать, ухаживать, баловать его, как любого другого младенца. Таким образом, младшая сестренка, купаясь в любви, развивается как очень милое, очень нежное создание: она — центр семьи. Иногда добродетель торжествует в форме послушания!

Но попробуем проанализировать, что полезное сулят жизни это очарование, нежность и доброта. Можно предположить, что девочка была столь послушна и податлива, только потому, что ее баловали. Однако наша цивилизация не слишком благосклонна к избалованным детям. Иногда отец, пони-